

ДВЕ АКТРИСЫ, ОДНА РОЛЬ

Есть немало юношей и девушек, которые не видят разницы в понятиях «пьеса» и «спектакль», считают, что образ, созданный драматургом, может иметь только одно-единственное, заранее определенное автором сценическое решение. Между тем каждая роль, сыгранная на сцене, всегда несет на себе печать индивидуальности исполнителя. Актёр зачастую обогащает роль, открывает нам в сценическом образе новые грани.

Предлагаемая статья дает разбор различного актёрского подхода к сценическому воплощению одной роли двумя актрисами на примере комедии Бернарда Шоу «Пигмалион». Этот спектакль идет на сцене Орловского театра.

Древнегреческий поэт Овидий рассказал о скульпторе Пигмалионе и созданной им статуе девушки, которая ожила. Сказание это неоднократно переплагалось писателями более поздних времен как притча о всепобеждающей силе любви. Обратился к этой легенде и Бернард Шоу, которого в Англии называли одновременно шутом и пророком, клоуном и святым, арлекином и мудрецом. Называли так, потому что в произведениях этого великого насмешника находили удивительное сочетание серьезных мыслей и шутовства, потому что он смеялся над тем, что с позиций буржуазной морали было свято.

Бернард Шоу, оттолкнувшись от древнегреческого мифа, создал свой, как всегда неожиданный, словно бы «на выворот» вариант традиционной темы. События в комедии английского драматурга происходят в Англии, в современном Шоу Лондоне. (Пьеса написана в 1912 году). Вместо легендарного античного скульптора в пьесе выведен вполне реальный профессор-филолог Генри Хиггинс — оригинал и чудак. Он заключает пари, обещая обучить правильному произношению уличную цветочницу Элизу Дулитл так, что через несколько месяцев ее нельзя будет отличить от герцогини... Такова довольно интригующая связь пьесы, занятой уже по самой своей сюжетной основе.

Но Орловский драматический театр и постановщик спектакля Х. А. Горин слишком узко поняли бы свою задачу, если бы ограничились лишь внешней, событийной канвой пьесы, не вскрыв ее обличительный, социальный характер.

Повествование о цветочнице Элизе Дулитл — это не рассказ о счастье уличной девчонки, которой повезло. Это история женщины, ставшей несчастной вследствие того, что она, вырванная из привычного существования, потеряла всю зыбкость своего положения в мире, где правят деньги. Под влиянием уроков профессора она стала утонченней, развила свои чувства и ум, но осталась такой же ищейкой. Хиггинс выступает по отношению к Элизе не в роли благодетеля. Для него девушка — подопытный материал. Не больше. Не случайно Элиза сравнивает его с автобусом. «Пре те себе вперед, — говорит она Хиггинсу, — и ни до кого вам дела нет...»

Театр, верно поняв сатирическую тенденцию пьесы, сыграл ее не как мелодраму со счастливым концом, а как сатирическую комедию, направленную против буржуазного общества, где ничего не стоит растоптать чувства и достоинства человека. Именно в таком толковании истории цветочницы обе исполнительницы О. Богданова и С. Вилинская, играющие поочередно роль Элизы Дулитл, нашли благотворный материал для создания многостороннего сценического образа. При этом каждая из них сумела внести в сценическое прочтение роли свое видение, свое понимание характера Элизы и свое индивидуальное к ней

отношение. Роль одна, а сыграли она по-разному.

...Идет сцена в кабинете Генри Хиггинса. Элиза — Богданова, смешная и нелепая в каком-то пестром, чрезвычайно безвкусном наряде, пришла к всемирно известному профессору, чтобы учиться правильному произношению. Без этого ее не возьмут в цветочный магазин. Множество самых разнообразных оттенков чувств показывает актриса в этой сцене. Здесь и понятная робость уличной девчонки, впервые попавшей в роскошный особняк богача, и напускное нахальство, чтобы скрыть эту робость, и наивная хитрость, направленная на то, чтобы выгодать в плате за учебу, и, наконец, оскорблённое достоинство. Правда, здесь ее не оскорбляют в общепринятом смысле. Хотя в ее адрес и произносится немало шутливых угроз. Хиггинс поступает с ней гораздо хуже: просто не считает за человека. Он говорит о ней совершенно так, как мог бы говорить о бесчувственной вещи. Сцена эта выстроена режиссером спектакля Х. Гориным по принципу музыкальной фуги. Темы Хиггинса и Элизы идут параллельно, иногда переплетаясь, повторяясь в разных вариациях. Три раза Элиза, оскорблённая в лучших своих помыслах, решительно направляется к двери, чтобы навсегда покинуть особняк Хиггинса, и трижды в последний миг она отказывается от решительного шага. Что же задерживает ее в особняке Хиггинса? Любопытство? Желание, несмотря ни на что добиться своей цели — стать продавщицей цветочного магазина? А может быть, неосознанное преклонение перед Хиггинсом, перед его талантливостью, человеческим обаянием? Или, наконец, случайно оброненное приятелем Хиггинса Пиккерингом обращение: «Мисс Дулитл», которое заставило Элизу на мгновение почувствовать себя человеком? Вероятно, и то, и другое, и третье.

Актриса Богданова в этой сцене более темпераментна, ее героиня более нелепа и смешна, чем Элиза — Вилинская. При этом надо отдать должное Богдановой. Она нигде не переходит ту опасную грань, где бы наивность цветочницы обернулась непроходимой тупостью, а ее вульгарность вызвала бы презрение. Она жалка, но не омерзительна, простодушна, но не глупа. Зритель искренне потешается над несуразностью поведения маленькой цветочницы, смотрит на нее как бы глазами обитателей особняка на Уимпол-стрит. Действительно, ее пребывание здесь неуместно, а поведение бесполково. Но разве отношение автора пьесы к Элизе равнозначно позиции, занятой Хиггинсом, для которого цветочница лишь «подопытный кролик»? Почему же на протяжении этой сцены все, что говорит Хиггинс, вызывает лишь улыбку, почему зритель не перестает симпатизировать профессору? Ведь он, в сущности, жесток,

холоден и глубоко равнодушен к бедной девушки. В этом есть, конечно, просчет исполнителя роли Хиггинса артиста Ю. Саркисова, в целом создавшего интересный, привлекательный образ эксцентричного ученого, однако отнюдь не склонного осуждать своего героя. Но и Богданова в первых сценах несколько упрощает этот сложный образ. При всей неотесанности Элизы — такой вульгарной и грубой — в ней таятся не только естественные человеческие чувства, но и природная одаренность, позволившая ей с успехом воспринять уроки Хиггинса. Думается, что актрисе и в первых сценах следовало бы где-то, может быть, вторым планом ярче выветрить то доброе, что есть в Элизе Дулитл.

Вот почему в сценическом рисунке Вилинской, в целом более сдержанном, чем исполнение Богдановой, слова Элизы: «Какие у всех людей чувства, такие и у меня» звучат как протест поруганного достоинства. Эти слова сразу придают эпизоду, до сих пор звучавшему в комедийном плане, совсем другую, чуть ли не трагическую тональность.

Несходство актёрской трактовки одной и той же роли особенно ощущимо в четвертой, предпоследней сцене спектакля. В эту ночь в особняке на Уимпол-стрит Элиза впервые заговорила не как цветочница, не с чужого голоса, а как равный Хиггинсу человек. Глубоко оскорблённая его равнодушием, ненавидя его и восхищаясь им одновременно, она напрямик высказывает своему наставнику все, что думает о нем. Происходит тот самый взрыв чувств, мыслей, уязвленного женского самолюбия, который незаметно, исподволь подготавливался и зрел. Да, цветочница помогла Хиггинсу выиграть пари. Начала не только внешне походить на светскую даму, но — и это явилось полной неожиданностью для Хиггинса, — внутренне изменилась, стала вовлечь с ним и, вместе с тем, оказалась более легко ранимой, осознала свое двусмысленное положение в обществе. Бурно, с нарастающим напряжением проводит эту сцену Богданова. После ухода Хиггинса она в своем нарядном вечернем туалете бросается навзничь, катается по полу, лихорадочно разыскивает брошенное в золу камина подаренное Хиггинсом колечко, а затем снова швыряет его в печь. И все же Богданова в этой сцене играет свое поражение. Ей не удалось заставить Хиггинса оторваться от привычного взгляда на нее как на «опытный» материал, не удалось убедить профессора, что она равный ему человек.

Вилинская же в этом кульминационном эпизоде играет в другом ключе. Она одерживает пусть еще первую и не окончательную, но все же значимую победу над Хиггинсом. Ей впервые удалось вывести его из равновесия, вызвать ярость, хоть немножко с ним посчитаться за выпавшие на ее долю унижения.

...Когда после заключительной, финальной сцены опустится занавес, зритель не уйдет равнодушным из театра. Он унесет в памяти образ маленькой лондонской цветочницы, которая гордо восстала против сырого самодовольства, против ханжеской морали богатых и их презрительного равнодушия к неимущим. Он запомнит, как эта слабая, но мужественная молодая женщина отстаивала свое человеческое достоинство. И пусть Элиза Дулитл в исполнении Богдановой будет несколько иной, чем Элиза, сыгранная актрисой Вилинской. Это не меняет общего гуманистического звучания образа. Вдумчивый зритель, сравнивая эти две работы, найдет в каждой из них свои открытия, свои сильные стороны. Каждая из актрис, работая над ролью, принесла в нее что-то от себя, от своего опыта, от понимания жизни — частицу своей души, обогатив этим самым образ, созданный драматургом.

А. МАНДЕЛЬ.